

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

A.N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О статусе и семантике так называемого «интерфикса» О/Е

в русских композитах

On the status and semantics of the so-called interfix O/E in Russian composita

Посвящается А.А. Зализняку

Аннотация

В статье затрагиваются некоторые проблемы, касающиеся таксономического статуса аффикса О/Е, его фонологии, морфонологии, синтактики и семантики.

The paper concerns some problems of taxonomic status of the Russian affix O/E, its phonology, morphonology, syntactics and semantics.

Ключевые слова

Композиты, сложные слова, соединительные гласные О/Е, интерфикс

Composita, compound words, linking morphemes O/E, interfix

0. О русском аффиксе О/Е написано много, однако статус его так и остается недостаточно определенным. В большом числе публикаций его называют «соединительной гласной», что вообще лишает его морфологического статуса или превращает в морфологического чебурашку. Есть работы, в которых ему отказывается в значении, и, наконец, в большой части посвященных ему работ его называют интерфиксом. В этой статье будут затронуты некоторые проблемы, касающиеся таксономического статуса аффикса, его фонологии, морфонологии, синтактики и семантики.

1. Является ли О/Е интерфиксом?

Термин интерфикс был введен Н.С. Трубецким в 1934 г. В советскую лингвистическую литературу он был введен А. М. Сухотиным четырьмя годами позже. Первоначально этот термин обозначал морфему, лишенную значения, в современной терминологии

гии — пустую, тематическую морфему (см. по этому поводу [5, 63 – 69]). Однако в авторитетной «Русской грамматике» ([8]) под интерфиксом понимается уже только О/Е и, как считают ее авторы, сходные по функции аффиксы, синтактически связанные с композициями. Как представляется, сужение термина ИНТЕРФИКС со стороны «Русской грамматике» было справедливым шагом, поскольку при первом способе понимания термина происходит смешение оснований для классификации аффиксов: префиксы и суффиксы отличаются друг от друга только синтактикой, первые занимают место слева от корня, вторые — справа. При первом понимании термина ИНТЕРФИКС возникает новое основание для классификации — тип значения, что вносит в нее элемент непоследовательности. На этом основании дальше я этот способ понимания термина исключаю из рассмотрения. Второй способ, который отражен в [8] также, на первый взгляд, ориентируется на порядок: интерфикс занимает положение между основами.

Вот что там написано об О/Е: «Аффиксальные морфы, выступающие только между двумя простыми основами в составе сложной основы, называются интерфиксальными (соединительными). Такие морфы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены. Например, словоформа *лесозаготовки* содержит интерфиксальный морф *о*» [8, 122—123]. К этой формулировке у меня есть несколько вопросов. Тот факт, что интерфикс выступает между простыми основами в составе сложной может на самом деле обозначать три возможности: 1) он располагается между основами, но, в порядковом отношении, примыкает к левой из них; в таком случае он ничем не отличается от суффикса; 2) он выступает между основами, но в порядковом отношении примыкает к правой основе; в таком случае он ничем не отличается от префикса. И, наконец, 3) он не примыкает ни к одной из основ. Только в этом случае оправдано введение нового термина: он не совпадает по синтактике ни с одним из классов аффиксов. Правда, по крайней мере, для русского языка такая трактовка синтактики О/Е очень сомнительна. Судя по вот этой части цитаты «Такие морфы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены», авторы представляют себе дело так, что аффикс — по определению конструктивно несамостоятельный элемент сло-

воформы, т. е. в порядковом отношении зависимый от позиции либо корня, либо клитки, — здесь вдруг оказывается **независимым** от конкретного корня **зависимым** элементом. Это противоречивое утверждение. Кроме простой логики, оно опровергается и правильно подобранными диагностическими контекстами. В IV томе «Курса общей морфологии» ([7, 171, 503 – 504]) соответствующий контекст приводится для немецкого языка в виде упражнения: «...когда при тмезисе сложная основа разделяется на две части, интерфикс отходит именно к начальной, а не к конечной части: *sein Gespräch+s- und Wanderung+s+partner* ‘его партнер по беседам и прогулкам’ vs. *sein *Gespräch und +s Wanderung+s+partner*» ([7, 504]). Аналогичным подходящим контекстом для русского языка является та же однородная конструкция с союзом *и*, которая позволяет разорвать композит. По приведенному выше рассуждению, если О/Е суффикс, в таких контекстах он будет примыкать ВСЕГДА к левой основе композита, если префикс, то — к правой, если интерфикс, то равновероятно — и к левой, и к правой. При проверке оказывается, что верна только первая гипотеза: *мясо-* и *хлебокомбинаты* сказать можно, а вот **мяс-* и *охлебокомбинаты* — нельзя. В разговорной речи есть еще вводное слово ПОНИМАЕШЬ, которое тоже может разорвать композит. Так вот, с ним можно сказать *хлебо-*, *понимаешь*, *-комбинаты ему не угодили*, а вот **хлеб-*, *понимаешь*, *окомбинаты ему не угодили* сказать никак нельзя. Таким образом, диагностический контекст показывает, что нарушить правила формальной порядковой зависимости от корня аффикс, как и ожидалось, не может. Из этого немедленно следует, что введение термина ИНТЕРФИКС с точки зрения оснований классификации оправдать нельзя. О/Е — обычный суффикс. Он примыкает к левой части композита и в порядковом отношении ориентируется на корень левой основы.

Теперь нужно понять, почему он именно суффикс предшествующей основы, а не префикс следующей. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, проведем дополнительное исследование, касающееся маркеров делимитации одной словоформы от другой. Мы уже знаем, что к факторам, позволяющим нам в непрерывном потоке речи провести границу между словоформами, относятся чередования (например, оглушение на конце словофор-

мы звонких согласных \drúk##\ — друг, \plúk##\ — плуг и т. д.); кроме чередований важным маркером конца словоформы в русском языке является грамматический суффикс ¹, который поэтому и называется окончанием. Но, как выясняется, есть и еще один способ определения границы: знание носителем порядковых свойств, характеризующих конструктивные классы морфем. Покажем, как работают правила, основанные на этих знаниях.

2. О функции и семантике суффикса О/Е. Исчисление типов границ между русскими фонетическими и грамматическими словами.

Будем выделять не два конструктивных класса морфем — корни и аффиксы, а три: корни, клитики и аффиксы. В классе аффиксов ² по позиционному принципу будем выделять префиксы и суффиксы. В классе клитик — проклитики и энклитики. Под корнями в рабочем порядке договоримся понимать такие морфемы, которые могут оказаться как перед паузой, так и после паузы. Этим свойством действительно обладают только корневые морфемы, поскольку они образуют центр корневого грамматического слова (словоформы). Припишем корню простого грамматического слова порядок 0 и внесем эту характеристику в толково-комбинаторный словарь морфем (см. о нем [1]). Связанные корни типа {БАВ} в *разбавить* рассматриваться пока не будут. Их принадлежность к конструктивному классу корневых морфем можно определить на основании сравнения синтактик «канонических» корневых морфем и связанных. Под клитикой в рабочем порядке будем понимать такие морфемы, которые не могут быть отделены от корневого грамматического слова паузой, но могут быть отделены от него другим корневым грамматическим словом без нарушения синтаксической связи между ним и его зависимым

---

¹ Разделение русских аффиксов на суффиксы и флексии базируется на смешении оснований классификации. Суффиксы противопоставлены префиксам по позиции относительно корневой морфемы, а флексиям по грамматичности — неграмматичности. Строгое соблюдение однородности для основания классификации требует разделить классификацию русских аффиксов на две: по позиции (по ней флексии также должны быть признаны суффиксами) и по грамматичности (по ней суффиксы делятся на словообразовательные и словоизменительные). Тогда флексию можно определить как словоизменительный суффикс. Если учесть, что в языках мира, например, в языках банту, в качестве грамматических показателей могут выступать префиксы, станет очевидно, что вторая классификация является еще и более генерализованной. Важно также и то, что грамматическими могут быть не только суффиксы, но и клитики и корни.

² Точнее было бы сказать — по классификации И.А. Мельчука ([7, 167]) — «в классе конфиксов».

или управляющим. Например, *в городе* => *в большом городе*: между *в* и *городе* вставлено корневое грамматическое слово *большом*, а синтаксическая связанность между ними не пострадала. Случаи, которые не подпадают под наш критерий, мы тоже пока рассматривать не будем³. Будем считать также, что проклитики — морфемы, в порядковом отношении ориентированные вправо, а энклитики — морфемы в порядковом отношении ориентированные влево. Они как бы равняются на корень, и у проклитик «голова» повернута вправо, а у энклитик — влево. Ориентированность будем обозначать стрелочкой: → — ориентированность вправо, ← — ориентированность влево.

Аффиксы — класс морфем, которые нельзя отделить от корня и других аффиксов, относящихся к тому же корневому грамматическому слову, ни паузой, ни другим грамматическим словом без потери семантико-синтаксической связи с ее главным или зависимым элементом. Сосредоточимся пока только на конфиксах (по терминологии И.А. Мельчука), инфиксы, циркумфиксы и трансфиксы оставим в стороне. В таком случае, в классе конфиксов мы будем различать префиксы и суффиксы. Префиксы, как и проклитики, ориентируются вправо, а суффиксы, как и энклитики, — влево. Ориентированность будем обозначать теми же стрелочками, что и у клитик.

Обозначим знаком # границу между проклитикой и следующим за ним морфем, или границу между энклитикой и предшествующим ей морфем: *о#слове*; *в#город*; *дал#бы*; знаком ## — левую или правую границы между корневыми грамматическими словами (словоформами): *человек##пришел##домой*.

---

³ От клитик следует отличать морфемы, которые С.В. Кодзасов предлагал называть безударными корнями, например, {ТАК} в *Так что?* \təkʂtó\. Они как раз и отличаются от клитик тем, что обладают как свойствами проклитики, так и свойствами энклитики: *Ну так?* \nútək\. Кроме того, характерной особенностью безударных корней является несоблюдение правил редукции: в первом примере по правилам редукции на месте шва должно стоять \â\. Отмечу здесь же, что по формальным критериям, приведенным выше, когда неядерные случаи относятся к определенному классу морфем на основании исследования их синтактики, например, возвратная морфема {СЯ} должна рассматриваться как клитика, поскольку ее расположение в фонетическом слове — после флексии — по синтактике совпадает именно с позицией клитических морфем. Ее неотделимость от корневого грамматического слова объясняется грамматической идиоматизацией, а не конструктивными свойствами морфемы. То же можно сказать и о морфеме {ЖДЫ} в *дв+а#жды*, *тр+и#жды* и т. д.: перед ней стоит нормальный показатель номинатива, следовательно, формально его позиция — позиция клитики в фонетическом слове.

Знаком | обозначим границу между фонетическими словами: *в#квартире#же | ему## | было## | отказано.*

Проделаем теперь упражнение. Ниже будет приведен маленький текст, зашифрованный в терминах классов морфем, которые мы обозначим следующим образом:

Procl → — проклитика;

Pref → — префикс;

R 0 — корень;

Suf ← — суффикс;

Encl ← — энклитика.

Ограничимся пока только простыми корневыми грамматическими словами, т.е. такими, в которых только один корень.

Текст:

ProclRRSufRPrefPrefRSufSufEnclRRRProclPrefRSufEnclProclPrefRSufSufSufEnclR

Требуется расставить указанные выше символы границ между языковыми единицами.

Очевидно, что все, кто понимает, о чем идет речь, сделают это легко и одинаково:

Procl#R##RSuf##R##PrefPrefRSufSuf#Encl###R##R##R##Procl#PrefRSuf#Encl###Procl#PrefRSufSufSuf#Encl##R.

В другой транскрипции:

→#0## 0←##0##→→0←←#←##0##0##0→#→0←#←##→#→0←←←#←##0

Как видно из последней транскрипции, если заменить в этом тексте символы морфемных классов стрелками, указывающими на порядковую ориентацию морфем в фонетических словах, то мы увидим, что типы границ между фонетическими словами легко исчисляются.

←##→ (служивый##но#лесу)

←##0 (прилетел##уже)

0##0 (я##еще)

0##→ (уже##пришел)

Границы между фонетическими словами в русском языке, таким образом, проходят в местах разрыва порядковой ориентации там, где векторы ориентации «смотрят» в разные стороны, или развернуты в сторону, противоположную нулевой позиции.

Типы границ между грамматическими словами исчисляются так же легко. Нужно только позицию клитик в клитических грамматических словах, как и позицию корней, считать нулевой, поскольку в клитическом грамматическом слове они являются порядковым центром. В русском языке при этом границы клитик совпадают с границами клитических грамматических слов, поскольку клитики у нас не склоняются и не спрягаются. Но, например, в турецком языке, где клитики могут склоняться и спрягаться, это не так.

Из изложенного видно, что, кроме известных способов делимитации, к которым относятся чередования, отличающиеся по типу границ между классами морфов, пограничных классов морфов, типа флексий, и пауз, есть еще и способ делимитации, основанный на знании порядковых свойств морфов. Понятно, что композиты нарушают закономерности в автоматической расстановке границ между фонетическими и грамматическими словами, и что должен быть специальный оператор, отменяющий автоматическую расстановку границ. Для этого и вводится в русском языке О/Е, который мы далее по его функции будем называть **коннектором**. Коннектор оставляет позиции стрелок в том же положении, но его семантика действует в местах разрыва векторов способом, противоположным категориальному действию флексии. Поскольку естественным делимитатором в русском языке являются именно флексии, О/Е занимает их место.

Думается, что не только термин ИНТЕРФИКС введен без достаточных на то оснований, но и тезис «Такие морфы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены» мало того, что малопонятен, так еще и не верен ни в какой интерпретации. Единственным способом, которым можно понять приведенное выше предложение, является тот, по которому О/Е служит чем-то вроде показателя семантико-синтаксических отношений между основами. Но это истолкование не проходит, поскольку по чисто семиотическим законам для исполнения такой роли суффикс О/Е должен быть противопоставлен каким-то другим суффиксам, обозначающим противопо-

ставленные данному семантико-синтаксические отношения. Действительно, в определенных морфологических конструкциях некоторую альтернативу ему составляет нулевой коннектор. Но при наличии дублетов типа *детприемник* (7000 употреблений в Яндексе) и *детоприемник* (1000 употреблений в Яндексе в текстах солидных изданий типа «Коммерсанта», новостных агентств и т. д.) в это утверждение мало верится.

Следует обратить внимание на то, что основа, вступающая в союз с другой основой для создания сложного грамматического слова, теряет существенную часть — грамматический показатель. Грамматический показатель служит в русской словоформе для обозначения синтаксического отношения между этой словоформой и какой-то другой словоформой (группой). Элиминация показателя синтаксической связи уже сама по себе означает, что данная основа исключается из лексико-синтаксической структуры и переходит во внутреннюю морфолого-синтаксическую структуру грамматического слова, делегируя свои права в лексико-синтаксической структуре всему композиту. Эта операция сопровождается еще одной: основа теряет лексическую самостоятельность, что выражается в элиминации лексической границы словоформы. **Обозначение операции, которая устраняет лексическую границу словоформы, мы и предлагаем в качестве семантики суффикса О/Е.** Теперь все совпадает: О/Е — суффикс, который обозначает отмену делимитации, отмену лексической границы между основами и элиминацию основы из лексико-синтаксической структуры.

3. О фонологическом статусе О/Е.

В дальнейшем для морфологического представления рассматриваемого суффикса будет использоваться символ $\{O\}_{\text{conn}}$. Фонологический статус суффикса $\{O\}_{\text{conn}}$ определяется его аллофонами. Показательными при этом должны быть позиции после гласных, после парных твердых согласных, после мягких, после непарных шумных согласных и после $\{j\}$. С просодической точки зрения — полноударная, побочноударная, первая предупредительная позиция, вторая и более предупредительная позиция, заударная позиция.

Полноударным, как это было показано в [8], коннектор бывает лишь в ограниченном числе типов композитных конструкций с односложными корневыми морфемами

{МЕТР}, {ГРАФ}, {ЛОГ} и др.) в качестве второго компонента и нулевым агентивным суффиксом, имеющим значение деятеля или (измерительного) прибора, например: *исто́риограф, комедио́граф, анемо́граф, библио́граф, баро́метр, калибро́метр, мнемо́метр, нефело́метр, термо́метр, биоло́г, спелео́лог, графо́лог, палеонто́лог*. Менее продуктивны {БУС}, {ПОЛЬ}, {ЛИЗ}: *авто́бус, микро́бус, гидро́бус, аэро́бус, гидро́лиз, авто́лиз, пиро́лиз, плазмо́лиз, пневмато́лиз, акро́поль, некро́поль* (названия городов *Севасто́поль, Симфери́поль*, где {ПОЛЬ} восходит к греческому *πολις* (схема ударения здесь, однако, неустойчива, ср. *Ста́врополь, Н'ико́поль*)), и *Чисто́поль*, где {ПОЛ'} — тот же корень, что в лексеме ПОЛЕ). Что касается полноударного аллофона после мягких согласных, то в интернете пока нашелся единственный композит с последним компонентом *-метр* с мягким гласным перед коннектором: *жесте́метр*. Его шуточное толкование — ‘прибор, измеряющий уровень окружающей жести’. Ударение там поставлено не было. Однако у названий приборов с {О} _{conn}, насколько нам известно, просодическая схема исключений не имеет, ударение всегда падает на коннектор. Не ясно из текста, обозначала ли буква «е» в этом случае саму себя или «ё».

Небольшой эксперимент показал, что, если построить искусственные названия приборов с мягкими согласными перед полноударным {О} _{conn}, то большая часть информантов склоняется к тому, что под главным ударением будет стоять *\ó*, а не *\é*: **днё́метр* (прибор для измерения дней), а не **днэ́метр, *пнё́метр* (прибор для измерения пней), а не **пнё́метр, *лжэ́метр* (прибор для измерения лжи), а не **лжэ́метр, *ремнё́метр* (прибор для измерения ремней), а не **ремнё́метр, *напряжэ́метр* (прибор для измерения напряженности отношений), а не **напряжэ́метр*. Следует, однако, сказать, что **лжэ́метр* и **жестэ́метр* вызывали у информантов больше неприятия, чем прочие подобные примеры.

В позиции с побочным ударением после твердой согласной /o/, хоть и редко, но фиксируется. В основном, это случаи, когда в первой основе остаются одни согласные,

например, *льдообразо́вание*⁴, *льно́волокно́*, *дно́углуб'итель*, *сно́толкова́ние*, *рто́смыка́тель*, *рто́открыва́тель*. После мягких и непарных твердых в этой позиции встречается только /e/: *пнёкорчевáтель*, *лжесвѣдѣтельство*, *лжеса́кция*, *лжескуви́инка*, *лжесна́ука*, *лжеспроро́к* и др. В других случаях под побочным ударением может оказаться и /o/, и /e/, ср. *тр`эхходо́вка*, *тр`эхрублё́вка*, *тр`эхдюймо́вый*, *четы́р`эхсо́т*, *те́пლოსнаб-жэ́ние*. Рассмотренные примеры показывают, что поведение гласных под побочным ударением все-таки отличается от такового в полноударной позиции⁵.

Из всего сказанного следует, что с фонологической точки зрения в рассмотренных примерах означающим коннектора должно быть признано несмягчающее /o/, которое во всех контекстах ведет себя как /o/: под главным ударением после твердых и мягких — /o/, в позиции под побочным ударением — после твердых согласных /o/, после мягких и непарных твердых — /e/. Во всех прочих конструкциях {O}_{conn} безударен, в том числе и в случаях, когда основа перед ним имеет акцентную парадигму b по классификации А.А. Зализняка. Во всех этих случаях /o/ коннектора ведет себя по обычным правилам редукции: после твердых, в первом предударном слоге — /â/, во втором и более предударных и в заударной позициях — /ə/, после мягких — везде /ê/.

4. Морфонологический статус {O}_{conn}.

Нерассмотренным осталось еще поведение фонем, предшествующих {O}_{conn}. Наибольшую проблему здесь представляет чередование мягких и твердых согласных. Они достаточно подробно рассмотрены в [5, 116 – 118]. Суть проблемы состоит в том, что исконно мягкий согласный в ауслауте небольшой части основ перед {O}_{conn} отвердевает. При этом, как отмечает И.Б. Иткин, «Позиция перед соединительной гласной -o- по своему влиянию на мягкость конечной согласной существенно отличается от всех прочих. В этой позиции мягкость может как сохраняться, так и устраняться, причем один и тот же корень может вести себя по-разному в разных производных (ср. *кровото́чить* и

---

⁴ Этот пример, нарушает правило, которое у И.Б. Иткина сформулировано так: «перед соединительным гласным -o- в композитах беглый гласный сохраняется в односложных основах, первый согласный которых — сонант, а второй — шумный, и выпадает в прочих случаях» [5, 222 – 223]. Видимо правило это сложнее.

⁵ Приношу благодарность И.Б. Иткину за то, что он обратил наше внимание на этот факт.

кровеносный), а разные корни — в совершенно идентичных (ср. *звероводство*, но *коневодство*)» [5, 116].

Ниже воспроизводится таблица, в которой приводятся примеры сохранения мягкости основы и ее депалатализации из книги И.Б. Иткина (набраны курсивом) и мои дополнения к таблице (набраны прямым шрифтом).

ОСНОВА (ИМП ⁶)	МОДЕЛЬ С УСТРАНЕНИЕМ МЯГКОСТИ	МОДЕЛЬ С СОХРАНЕНИЕМ МЯГКОСТИ
гвозд+’Ø	<i>гвоздодёр</i> , <i>гвоздозабивной</i> (пистолет) (415) ⁷ , <i>гвоздомёт</i> (33 000)	<i>гвоздезабивной</i> (пистолет) (943 000), <i>гвоздемёт</i> (30 000), <i>гвозде-</i> и <i>скобозабиватели</i>
голен+’Ø	<i>голеностоп</i>	
звер+’Ø //звер’	<i>зверобой</i> , <i>зверовод</i> , <i>зверолов</i> , <i>зверосовхоз</i> , <i>звероферма</i> , <i>звероящер</i> , <i>зверорубой</i> (81)	<i>зверевед</i> (29 000)
кабе’л’ ⁸	<i>каблограмма</i>	
кон’	<i>коновал</i> , <i>конокрад</i> , <i>коновязь</i> , <i>коновод</i> , <i>коногон</i>	<i>конезавод</i> , <i>коневодство</i> , <i>конеферма</i> , <i>конесовхоз</i> , <i>конематка</i> , <i>коневод</i> (Зализняк ⁹)
корыст’	<i>корыстолюбие</i>	
кост+’Ø	<i>костоеда</i> , <i>костолом</i> , <i>косторез</i> , <i>костоправ</i>	<i>костедробильный</i> (Зализняк), <i>костепереработка</i> (300, с «о» примеры отсутствуют), <i>костемолка</i> (5000), <i>костегрыз</i> (7000), <i>костеобжигательный</i> , <i>костеобрабатывающий</i>
кров+’Ø	<i>кровотийца</i> , <i>кровообращение</i> , <i>кровоизлияние</i> , <i>кровожадный</i> , <i>кровопускание</i> , <i>кровопролитие</i> , <i>кровосмешение</i> , <i>кровотечение</i> , <i>кровоточить</i> , <i>кровоподтёк</i> , <i>кровоостанавливающий</i> , <i>кровосос</i> , <i>кровохлёбка</i> (растение), <i>кровохаркание</i> , <i>крово-замещающий</i>	<i>кровенаполнение</i> , <i>кроветворный</i> , <i>кровеносный</i> , <i>кровезаменитель</i> , <i>кровеглазной</i> (барьер), <i>кровеушной</i> , <i>кровообязнь</i> , <i>кровопаразит</i>
ного’т+’Ø	<i>ногтоеда</i>	<i>ногтеложе</i> , <i>ногтеед</i> , <i>ногтеедка</i> , <i>ногтегрыз</i>
параллел’	<i>параллелограмм</i>	<i>параллелетипед</i>
плот’	<i>плотоядный</i>	
рат+’Ø	<i>ратоборец</i> , <i>ратолюбивый</i> (867), <i>ратобоец</i> (363)	<i>ратеводитель</i> (из перевода Старшей Эдды В. Тихомирова)
черв+’Ø	<i>червовидный</i> (10 000), <i>червоточина</i> , <i>червобой</i> (9 000), <i>червогон</i> (1000), <i>червообразный</i> (7 000), <i>червоход</i> (228)	<i>червеобразный</i> (708 000), <i>червевидный</i> (13 000), <i>черветворный</i> (о почве, биол.), <i>червеход</i> (7 000)
шерст+’Ø	<i>шерстоткацкий</i> , <i>шерстобит</i> , <i>шерстобой</i> , <i>шерстотрепальный</i> , <i>шер-</i>	<i>шерстезаготовительный</i> , <i>шерстеобрабатывающий</i> , <i>шерстеед</i> , <i>шер-</i>

⁶ Исходное морфонологическое представление (термин И.Б. Иткина).

⁷ Число в скобках при примерах указывает на число употреблений в Яндексе.

⁸ е’, о’ — беглые гласные (в нотации И.Б. Иткина).

⁹ Источник – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка [3].

	<i>стомойка, шерстопрядение, шерсточесалка, шерстовед, шерстокрыл, шерстовал</i>	стевит (лекарство, 15 000), шерстепон (утеплитель из овечьей шерсти, смешанной с синтепоном, 96 000)
шест+’Ø	<i>шестопер, шестопсалмие</i>	
кам+e’н’	<i>каменоломня, каменотес (597 000), каменобоец, каменомет (3 000), Каменогорск</i>	<i>Камнепад, камнерез, камнедробильный, камнедробилка, камнеломка, камнесечение, камнелитейный, камнетесный, камнебитный, камнеуборочный, камнетес (153 000), камнемет (101 000), камневержец, камневар, камне-щебеночный</i>
ба+e’н+’Ø	<i>баснословный, баснописец, баснотворец (3 000)</i>	
пе+e’н+’Ø	<i>песнопение, песнопевец, песнотворец, песнолюб (13 000)</i>	песнелюб (34)
дал’+e’н+’j	<i>дальнобойный, дальновидный, дальнозоркий, дальномер, дальновидение, дальноземелье, дальнострельный (9 000), дальноходный (о торпеде, о маршруте, о туристической тропе)</i>	<i>дальневосточный, дальнепривозный, дальнеструйный</i>

Как это видно из таблицы, у большей части основ, которые перед {O}_{conn} с точки зрения мягкости ауслота ведут себя нестандартно, есть варианты альтернативного поведения. Как правильно отмечается в [5], это говорит о том, что нам довелось стать свидетелями процесса постепенной смены одного частного правила чередования на другое: с правила, по которому мягкие согласные указанных основ перед {O}_{conn} отвердевают, на общее правило сохранения перед этим суффиксом мягкости ауслота. Заметим при этом, что И.Б. Иткин выделяет три причины появления в ауслоте мягкой согласной: исконная мягкость, мягкость, идущая от смягчающего тематического нулевого суффикса {’Ø}, и мягкость, идущая от нулевого йотирующего тематического суффикса. Обсуждая проблему отвердения согласных перед {O}_{conn}, автор указанной монографии тем самым рассматривает не одно, а два правила: отвердения исконной согласной и отсутствие в составе словообразовательной основы тематических суффиксов {’Ø} и j, маркирующих парадигму склонения. Эти два правила носят совершенно различный характер: одно из них касается чистой морфонологии, другое — правил установления обязательных компонентов правильно построенной морфологической структуры словоформы. Различение этих типов правил было введено И.А. Мельчуком (ср. морфемно-морфные правила в его моделях словоизменения, которые и вводят при синтезе пустые морфы в состав словоформы),

и мы не видим никаких оснований от него отказываться. Обсуждение морфемно-морфных правил при синтезе композитов предполагает выбор типа основы для построения конструкции. Для тех основ, синтактика которых не предполагает гетероклизии, выбор сводится к единственному варианту, однако русские парадигмы склонения и спряжения изобилуют примерами противопоставленности подпарадигм друг другу, и маркировка этих подпарадигм носит разнообразный характер. Это и смена акцентной схемы (ср. акцентные парадигмы с, d, e и f в [3]), и введение пустых морфов, единственное назначение которых состоит в том, чтобы маркировать ту или иную подпарадигму, как, например, в маркирующих, как и схемы типа с и d, подпарадигму множественного числа *es*, *ovj* и *j* в *неб+es+a*, *сын+ovj+a*, *стул+j+a*, как и маркирующие косвенную парадигму /y/ и /'o/ в *дв+y+x*, *тр+'o+x* и *четыре+'o+x*, как и введение пустого нулевого смягчающего тематического морфа, также маркирующего подпарадигму мн. ч. (*чёрт+Ø_{nom.sg}* — *черт+'Ø_{pl+u}*, *сосед+Ø_{nom.sg}* — *сосед+'Ø_{pl+u}*). Если учесть тот факт, что в русских словообразовательных процессах основа для построения деривата выбирается не по одному, а по разным правилам (ср., например, *мат+ер+n+ый* и распространившееся с недавних пор просторечное *мат+n+ый* (об обсценной лексике)), с чисто формальной точки зрения можно было бы предложить структурный способ трактовки отвердения ауслаута перед {O}_{conn.}. Учитывая принципиальную возможность маркировки подпарадигмы смягчающим нулем (*сосед* — *соседи*, *чёрт* — *черти*, *один* — *одного* — *одному* — *одним* — *одни* — *одних* и т. д.), а также наличие в корпусе случаев, когда форма *nom.sg* противопоставлена всем остальным формам парадигмы отсутствием пустого тематического морфа (*мать* — *мат+ер+u*, *дочь* — *доч+ер+u*), можно было бы предположить, что смягчение ауслаута в *nom.sg* происходит под воздействием смягчающего нуля, служащего показателем падежа и числа, а в косвенных падежах — под воздействием тематического смягчающего нулевого морфа. Тогда все приведенные в таблице примеры отвердения можно было бы объяснить тем, что они обусловлены выбором основ *nom.sg*, а все случаи, при которых в тех же основах наблюдается мягкий ауслаут, трактовать как выбор основы косвенной парадигмы. Эта трактовка фактов предполагает, что колебание наблюдается не

в морфонологических правилах, а в морфемно-морфных, как, например, в случае *матный* vs. *матерный*. Интересным следствием подобной трактовки является тот факт, что выпадение беглых гласных, может также восприниматься как маркировка подпарадигмы. Об этом, в частности, можно судить по основе {КАМЕН}, в которой беглое е' перед {О}conn ведет себя нестандартно. По общему правилу (см. [5, 202]) беглая гласная должна сохраняться в контексте консонантного конца акцентного слова (V'C(C)) и перед слогом содержащим другую беглую гласную (V'XV'Y). Во всех прочих контекстах она должна выпадать. В композитах *каменоломня*, *каменотес*, *каменобоец*, *каменомёт*, *Каменогорск* беглая гласная е' находится в слабой позиции и должна была бы выпасть. Тот факт, что она в этих контекстах не выпадает, можно трактовать либо как чередование беглой е' с небеглой, либо так, что здесь мы имеем дело с фонологической идиоматикой: выпадение и невыпадение е' воспринимается как знак, маркирующий прямую и косвенную подпарадигму. Последняя трактовка позволяет предположить, что основа *пом.sg* в «готовом виде» участвует в построении композита. То же происходит и с корнем {ЛЁ'Д}. Ср. *ледоформа* (5000), *льдоформа* (7000), *ледозащита* (6000), *льдозащита* (222), *ледоруб*, *льдобур* (10000), *льдобур* (3 млн), *ледостав* (927000), *льдостав* (700), *ледопад*, *ледоход*, *ледохранилище* (13000), *льдохранилище* (21000), *ледорез*, *ледоспуск*, *ледокол*, *ледолом*, *ледогенератор* (211), *льдогенератор* (2481), *ледосброс*, *льдообразование*. Интересными, в этом смысле, примерами являются и корни {ЧУХО'Н}, {ВЕНГЕ'Р} и им подобные, ср. *Чухно-Высоцкий (сельсовет)* (прочие примеры не привожу из-за ксенофобской ориентации высказываний, в которых они встретились). Основа здесь выбирается не из парадигмы склонения лексемы ЧУХНА, а из парадигмы склонения лексемы ЧУХОНЕЦ, где /o'/ не выпадает по общему правилу. То же и в случае с {ВЕНГЕ'Р}: *венгеро-болгарский*, *венгеро-сербский*, *венгеро-российский* и т. д. Здесь основа берется из адъективной парадигмы склонения лексемы ВЕНГЕРСКИЙ.

Как представляется, морфонологическая трактовка депалатализации приведенных выше основ, наталкивается на противоречивые следствия. Мы должны были бы постулировать в этих случаях депалатализирующую фонему /o/ с уникальной синтактикой и посту-

лироваться на морфонологическом уровне морфонеми [ω] с чередованием o/o_{dep}. Однако постулирование такой морфемы требует, чтобы /o/ и /o_{dep}/ находились в дополнительном распределении относительно морфонологического контекста. Именно его мы здесь и не находим. Да и постулирование фонемы с уникальным свойством (депалатализации) и уникальной дистрибуцией было бы тоже неоправданно смелым решением. Правила выбора основы снимают эти проблемы.

Последний вопрос для полного описания морфонологического статуса коннектора, на который нам нужно найти ответ, — наличие у обсуждаемого морфа супплетивных алломорфов. Однако для этого нам нужно рассмотреть все способы образования композитов, что выходит за пределы небольшой статьи.

Литература

1. Айхенвальд А.Ю., Барулин А.Н. К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. С. 36—44.
2. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980.
4. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 1997.
5. Иткин И.Б. Русская морфонология. М., 2007.
6. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М., Вена, 1997.
7. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 4. М., Вена, 2001.
8. Русская грамматика. М., 1980.